

А. П. Мартемьянов

О сельских межевых знаках первых веков нашей эры с территории Нижней Мезии и Фракии

огласно устоявшемуся мнению, специфика исторического развития Фракии и Нижней Мезии во многом определялась сохранением там, особенно в деревенской местности, унаследованных от более раннего времени прочных общинных традиций [1, р. 252, 344–345; 2, с. 231; 3, с. 43–44; 4, р. 301–302, 308–309, п. 43; 5, с. 123–124; 6, с. 90–92, 132–136; 7, с. 302–304; 8, с. 24–25 и др.]. Одним из условий существования общинной организации было наличие у коллектива общинников определенной территории, на которую распространялись его владельческие права и присущие ему порядки. На то, что села фракийских земель в первых веках нашей эры имели четко обозначенные, установленные надлежащим образом границы, указывают находки фиксировавших эти рубежи межевых знаков.

Межеванию сельских земель в восточнобалканских провинциях придавалось большое значение. Об этом свидетельствует, в частности, надпись, обнаруженная у совр. с. Ягодово близ г. Асеновград, на территории античного Филиппополя (IGBR, III/1, № 1401). В ее завершающем фрагменте (*ibid.*, vss. 7–9) сообщается, что границы лугов филы Родопейды установил $\kappa\rho\iota\tau\eta\varsigma \kappa\alpha\iota \delta\rho\omega\delta\acute{\epsilon}\tau\eta\varsigma$. Это позволяет говорить о существовании в римской Фракии лиц, профессионально занимавшихся межеванием земельных владений, которые, к тому же, могли в качестве арбитров разбирать связанные с соблюдением законно установленных границ тяжбы. Подкрепление же правомочности действий хоротета ссылкой на авторитет высших римских властей в лице правящего императора Антонина Пия и являвшегося, видимо, около 155 г. н. э. наместником провинции Фракия Г. Юлия Коммода Орфициана (*ibid.*, vss. 2–7, comm.), показывает, насколько важным было для заинтересованных сторон придать акту межевания официальный характер.

Имена провинциальных наместников фигурируют во фракийских землях и на межевых знаках, стоявших на рубежах местных сел. Так, из двух идентичных по содержанию надписей 198–201 гг. н. э. следует, что границы между частным владением и землями села Бутеридава на территории античной Истрии были установлены по предписанию управлявшего в то время Нижней Мезией¹ Г. Овиния Тертулла (ISM, I, № 359, 360). У части императорского легата в этом, казалось бы, локального масштаба предприятия, по мнению Д. Ботевой, могло быть связано с недавним, имевшим место в период кратковременного принципата Пертинакса в начале 193 г. н. э., изменением пограничной линии, разделявшей провинции Нижняя Мезия и Фракия [9,

¹ Издатели корпуса греческих и латинских надписей Малой Скифии датируют эти межевые камни 198–202 гг. н. э. (ISM, I, р. 471–473), однако в 202 г. наместником Нижней Мезии, по всей вероятности, был уже Л. Аврелий Галл [9, с. 88–89, 178, 331; ср. 10, р. 76].

@ А. П. Мартемьянов, 2017

с. 26–27, 168, 178–179]. Заметим, что вследствие переноса провинциальной границы в приграничных областях действительно должно было возникнуть немало споров относительно расположенных там земельных владений. Разрешение некоторых таких тяжб вполне могло требовать вмешательства высших провинциальных властей. Возможно, именно так обстояло дело в случае с землями Бутеридавы, и распоряжение Овиния Тертулла стало реакцией на прошение ее жителей или хозяев соседнего имения. Находит свое объяснение и тот факт, что провести межевание императорский легат поручил командующему Мезийского флота М. Виндию Верриану¹ — скорее всего, это обстоятельство было обусловлено тем, что село находилось где-то на Дунайском побережье [12, с. 146] или в относительной близости от него.

Еще один момент, вызвавший повышенный интерес у специалистов, связан с восстановлением частично утраченного имени владельца или владелицы сопредельного с землями Бутеридавы поместья. Г. Точилеску, впервые опубликовавший экземпляр межевого камня, найденный в конце XIX в. в окрестностях античного Новиодунума (совр. г. Исакча), предложил читать это имя как *Siampudus (...termini positi inter Siampudi (vil)lam...)* [цит. по 10, с. 75. Курсив мой — А. М.]. В 1916 г., вскоре после того, как при раскопках Истрии была обнаружена вторая такая надпись, основанное на ней свое толкование этого фрагмента обнародовал В. Пырван, по мнению которого, хозяина виллы звали [B]essus Ampudus (...termin(i) positi inter [?B]essi Ampudi [vil] lam...) [цит. по 10, с. 76. Курсив мой — А. М.]. Такая реконструкция первой части имени вызвала возражение у М. И. Ростовцева, отдавшего «предпочтение известному имени *Gessius* вместо мало подходящего здесь *Bessus*» [13, с. 393, прим. 85]. Е. М. Штаерман, принимая предложенное В. Пырваном восстановление утраченной первой буквы в слове [B]ESSUS, вместе с тем, считала его не личным именем, а этниконом *bessa* Ампуда [2, с. 245–246]. Наконец, в 1955 г. И. Руссу, прокомментировав мнения своих предшественников и обратив внимание на их слабые места [10, р. 75–79], на основании сравнительного анализа текста обоих экземпляров надписи пришел к выводу, что хозяйкой имения, вероятнее всего, была *Messia Pudentilla (...termin(i) positi inter [?M]essiam Pude[ntil]lam...)* [10, р. 79–80. Курсив мой — А. М.]. Разумеется, учитывая отсутствие ряда букв, и эту точку зрения приходится считать гипотетической, что признает сам И. Руссу, но именно она со временем обрела, похоже, наибольшее количество приверженцев [см. ISM, I, № 359, 360, comm.; 12, с. 146; 14, р. 158–159, not. 7; 15, р. 37–38, 145–146 e. a.].

Упоминается провинциальный наместник и на межевых камнях, обозначавших границы сельских владений в римской Фракии. Речь идет о трех идентичных надписях с территории Филиппополя, свидетельствующих о том, что *ἄροι ἀγροῦ Βενδιπαρων* были установлены по распоряжению императорского легата Фракии Кв. Атрия Клония (IGBR, III/1, № 1455, 1472; V, № 5534; cf. III/2, № 1900; V, № 5533). Произошло это, вероятно, в 211 г. н. э.² в связи с проведением в провинции очередного ценза [16, 109]. Последнее обстоятельство подтверждается, в частности, тем, что руководил межеванием земель Бендипары *Μούκιος Οὐήρος* — как полагают [IGBR, III/2, № 1900, р. 234; V, № 5533, р. 238; 9, с. 227], известный по надписи из Италии (CIL, V, № 7784) П. Муций Вер, который на одном из этапов своей карьеры был податным оценщиком во Фракии (*censitor provinciae Thraciae*).

¹ Участие представителей командного состава римских воинских формирований в межевании земельных владений на территории Малой Скифии, вероятно, было распространенной практикой [ISM, V, № 8, comm.; 57 a, b, comm.; cf. 11, р. 317–320]. Показательно, что и упоминаемый в этих надписях 229 г. н. э. центурион проводит *terminatio* по указанию провинциального наместника.

² Об этой, уточненной, по сравнению с предлагавшейся ранее (см. IGBR, III/1, р. 224, 230; V, р. 239), датировке надписей, см. [9, с. 226].

Специального внимания заслуживает топография находок надписей из Бенди-пары. Есть основания считать, что они обнаружены *in situ*, и это, казалось бы, дает уникальную возможность представить размеры земельных владений фракийского села [16, с. 109; 17, с. 37–42; 18, р. 176]. Однако идет ли в данном случае речь о территории *одного* поселения? На межевых знаках не указано, что Бенди-пара — это *κώμη*. Между тем, обозначенная ими площадь для села, даже с учетом того, что его земли могли включать в себя выгоны для скота, лесные и прочие угодья, очень велика — с юго-запада на северо-восток она простирается более чем на 10 км. Сейчас на этой территории размещаются сразу несколько населенных пунктов. Показательно, что в окрестностях этих современных сел обнаружены археологические материалы, в которых усматривают следы поселений римского времени, зафиксированы курганные могильники. Все это в совокупности позволило В. Динчеву прийти к выводу, что Бендипара являлась не селом, а *κομαρχией* — «административным объединением нескольких соседних сел» [19, с. 19–21; о возможных значениях термина *κομαρχία* см. 20, с. 65–67]. Такое заключение представляется вполне оправданным, тем более что именно с территории Филиппополя происходят две из четырех известных для Фракии надписей, в которых говорится о *κομαρχиях* (IGBR, III/1, № 1473, 1474). Однако, признавая несомненную привлекательность гипотезы В. Динчева, принимать ее, думается, следует с известными оговорками.

Начнем с того, что при напрашивающемся в первую очередь (и, возможно, действительно адекватно отражающем смысл надписей) переводе словосочетание *ὄροι ἀγροῦ Βενδιπάρων* — «границы (или «межевые знаки») земли (букв. «поля», «пашни») Бендипары», не содержит информации о том, чем собственно являлась Бендипара, и это вызывает некоторое недоумение. Отсутствие сведений подобного рода на пограничных знаках, установленных по распоряжению римских властей, представляется, в общем-то, естественным для городских центров¹, но никак не для сельских поселений и их объединений, за пределами собственных окрестностей безвестных большинству жителей провинции. В принципе, случаев, когда на межевых камнях не указывался статус коллективных владельцев сельских земель, надо думать, было немало. В качестве примера можно привести две хорошо известные специалистам надписи II—III или III в. н. э. найденные у совр. с. Касиан (бывш. Шермет) в уезде Констанца. Обе они предельно лаконичны и лишь констатируют факт существования границы между двумя владениями: “*Ὅροι Κασιανῶν καὶ σπηλοῦχα* (ISM, I, № 369) и “*Ὅροι Κασιανῶν σπηλοῦχων* (ISM, I, № 370). Не вдаваясь в подробности многолетней полемики относительно названия, производным от которого является *Κασιανῶν*, и того, что оно обозначало — село или святилище [см. ISM, I, р. 481–483; 15, р. 44, 273; 23, р. 311–314], обратим внимание на следующее обстоятельство. На межевых знаках из окрестностей с. Касиан не указано, что они были установлены по предписанию провинциальных властей, и, следовательно, не исключено, что это могло быть сделано на «местном» уровне, например, с целью подтвердить традиционно сложившиеся или, напротив, узаконить по какой-то причине недавно изменившиеся владельческие права сторон на часть приграничной территории. Местным же

¹ Так, и на межевых камнях, и на милиариях с территории Одессоса и Каллатиса обычно обозначается только название города [см. IGBR, I², № 251, *com.*; р. 222–224; 15, р. 63; 21, р. 48]. Вместе с тем, известны случаи, когда и в надписях, фиксировавших границы значительных провинциальных центров, во Фракии, например, таких, как Абдера (в период правления Адриана) и Марцианополь (в 238–244 и 255–259 гг. н. э.), подчеркивается, что они являются полисами: *Ἀβδηρειτῶν πόλις ἐπὶ τῶν ὄρων* [22, № E78; cf. № E79]; *ἡ πόλις ἡ Μαρκιανοπολεῖτων ἐν τοῖς ἰδίοις ὄροις* (IGBR, II, № 797); *ἡ Μαρκιανοπολεῖτων πόλις ἐν τοῖς ἰδίοις ὄροις* (IGBR, II, № 834).

жителям, разумеется, было прекрасно известно, что означала помеченная этими камнями межа, и ни в каких дополнительных сведениях они не нуждались. Совсем иначе должно было обстоять дело с установлением границ Бендипары, предприятием, как отмечалось, по всей вероятности, в связи с проведением ценза, то есть с целью определения ее возможностей как податной единицы¹. При таких обстоятельствах, особенно, если учесть, что, предположительно, наряду с комархией Бендипарой, могло существовать одноименное село [19, с. 20–21], практическая потребность в указании на межевых знаках, к *чему именно* относится это название, представляется естественной. В связи с этим позволим себе задаться вопросом: не содержится ли информация о том, чем являлась Бендипара, в предшествующем на межевых камнях этому названию слову *ἀγρός*? Не могло ли оно в данном случае означать *поместье*, названное Бендипарой, возможно, по ассоциации с наименованием наиболее значительного в этой сельской местности центра? Разумеется, размеры этого имения представляются огромными, но, если предположить, что оно являлось *императорским доменом*, то такое хозяйство, в принципе, видимо, могло контролировать территорию, равную землям нескольких сел. В связи с этим уместно напомнить, что наиболее показательные свидетельства о наличии во Фракии личных владений императора за пределами Фракийского Херсонеса, происходят именно с территории Филиппополя [25, с. 124–126].

Так, говоря об императорских поместьях во фракийских землях, исследователи обращают внимание на встречающиеся в данных античной топонимики названия, производные от термина «сальтус». Подобные наименования, в случае, если они не являются дериватами от фракийского слова «источник», могут указывать на то, что носившие их населенные пункты располагались на месте земельных владений значительного размера или в непосредственной близости от них [см. 16, с. 61, заб. 48; с. 62, заб. 54]. В качестве одного из таких примеров обычно приводится село Сальтус, находившееся в 30 милях к востоку от Филиппополя, между дорожными станциями Ранилум и Киллы (Cillae, Κελλαί), упоминание о котором в источниках относится к началу IV в. н. э. [26, с. 386–388]. Подтверждение принадлежности этих земель императору усматривают не только в самом названии села, но и в посвящении III в. н. э. Фракийскому Всаднику (Ἦρωτι Κελλων) из Килл, находившихся, вероятно, вблизи железнодорожной станции у совр. с. Черна гора в общине Братя Даскалови (IGBR, III/1, № 1519; р. 248, 254–255). В соответствии с преобладающим мнением, сделавшие его гуртовщик (ἐπικτηρίτης) Прокл и его колλήγα Евтюхиан служили в большом, возможно, специализировавшемся на разведении коней, имении, которое вполне могло принадлежать императору [см. IGBR, III/1, № 1519, comm.; р. 255; 13, с. 394, прим. 87; 16, с. 62]. Есть основания

¹ Кстати, трудно судить определенно и о том, существовала ли вообще в этой ситуации необходимость фиксировать рубежи *комархий* — ведь они должны были совпадать с внешними границами входивших в нее сел, жители которых *фактически* владели землей и, что важно, выполняли обусловленные этим повинности. Можно, конечно, предположить, что ответственность за их выполнение возлагалась именно на комархии, но ее вполне могли нести и отдельные села или даже крестьянские хозяйства.

² Аналогичную почву для размышлений дает и употребление словосочетаний *ἀγροῦ ὄρος* и *ἀγροῦ ὄρια* в надписях первых веков нашей эры с крайнего юга Фракии. Две из них относятся ко времени совместного правления Диоклетиана, Максимиана, Галерия и Констанция, т. е. к 293–305 гг. н. э., когда были установлены *ἀγροῦ Σε[κ]λο... τηρῶν ὄρος*] (IGRR, I, № 813) и *ἀγροῦ Σικωτι[νῶν] ?] τὰ ὄρια*] [22, № E383, comm.; cf. SIG, II/1, № 2018; IGRR, I, № 812]. Третья, обнаруженная в Перинфе и датированная I в. н. э., надпись фиксировала *ὄρος ἀγροῦ ΓΝΚΙΡΙΣΟΥΛΗΣ*, причем в этом случае, по мнению М. Х. Сайяра, речь идет о границах частного земельного владения [24, № 256, comm.].

считать императорским и поместье, находившееся в районе совр. г. Хисаря¹: по крайней мере, в надписи, найденной у местного минерального источника (примерно в 15 км к северу от с. Калояново, в окрестностях которого был обнаружен один из межевых знаков Бендипары), эта территория названа *Vetus Aug(usta) aria* (IGBR, III/I, № 1477), что предполагает наличие и другого домена, возможно, именованного *Nova Augusta aria* [16, с. 61–62]. Обращает на себя внимание то, что в данном случае термин *area*² определенно обозначает имение, причем его использование в этом смысле во фракийских землях, видимо, не было единичным, исключительным явлением [см. 16, с. 57, заб. 21a]. Между тем, для *area* такое значение является отнюдь не более типичным, чем для *ἀγρός* [см. 27, р. 156; 28, р. 16; 29, S. 65; 30, р. 79–80; 31, с. 73. Ср. 32, с. 26; 33, S. 16; 34, р. 15; 35, р. 15].

Среди других материалов, свидетельствующих о возможности существования императорских земельных владений к югу от Балканских гор, выделим две относящиеся к периоду правления Коммода надписи из окрестностей сел Маленово (бывш. Пашино) и Тастепе (Tastepe) Карнобатской общины [36, S. 207–210, Abb. 1–2. Cf. AE, 1965, № 1, 2]. Содержание их идентично и восстанавливается В. Велковым следующим образом: *Ex auctor[ita]te Cl(audii) Cen[s]or[i] / ni proc(uratoris) A[u]g(usti) et / aes(timatione?) iur[i] s, agr[or]um BLAES, / Martialis / Aug(usti) lib(ertus) po/suit*³. По мнению В. Велкова, *agri BLAES*, о которых говорится в надписях, принадлежали селу или составляли сельскую территорию [36, S. 211]. Упоминание же в связи с этими владениями финансового прокуратора Фракии Клавдия Цензорина, фигурирующего также в надписи 184–185 гг. н. э. из Никополя на Истре (IGBR, II, № 615), исследователь поясняет тем, что их границы могли быть установлены при проведении в провинции очередного ценза [36, S. 211]. Иначе интерпретирует заложенную в надписях из Тастепе и Маленово информацию Б. Геров. В свете предложенного им варианта прочтения 4-й строки Клавдий Цензорин выступает в данном случае как арбитр — *aes(timator) iur[i]s* (= *iudex*, κριτής), действующий через своего подчиненного чиновника из числа императорских отпущенников. Решение возникавших у сельского населения правовых вопросов провинциальным прокуратором представляется характерным, прежде всего, для владений, обладавших экстерриториальностью. На этом основании Б. Геров приходит к выводу, что речь в надписях идет, скорее, не о землях села, а об императорском домене, чье население не подлежало юрисдикции города, на территории которого он находился. Прежде чем перейти в собственность императора, эти владения (или, позволим себе уточнить, вероятнее, их часть⁴) могли принадлежать наследникам италийского колониста,

¹ Заметим, что и обе упомянутые выше надписи, свидетельствующие о существовании на территории Филиппополя комархий, происходят именно из руин древнего поселения на месте г. Хисаря. Однако является ли это случайным совпадением или наше наблюдение заслуживает внимания, и между комархиями и императорскими владениями во фракийских землях существовала какая-то связь, при современном состоянии источников судить, увы, не представляется возможным.

² Воспроизведение в надписях слова *area* в форме *aria* было распространенным явлением [см. 27, р. 156].

³ Построчная разбивка текста соответствует лучше сохранившейся надписи из Тастепе [см. 36, S. 211].

⁴ Обе надписи открыты случайно, в ходе земляных работ [36, S. 207, 209], поэтому судить о том, найдены ли они там, где стояли в древности, или в ином месте, не представляется возможным. С другой стороны, судя по публикациям, эти пограничные камни не были вмурованы в стены позднейших построек, и, следовательно, особых оснований для того, чтобы считать их перемещенными, нет. В этих обстоятельствах, определяя возможные размеры имения, остается исходить из того, что расстояние между местами обнаружения надписей составляет примерно 6–7 км [36, S. 209, 211], а такие масштабы, как и в случае с территорией Бендипары, представляются чрезмерными и для села, и для частного владения.

возможно, из числа осевших в этих краях еще при основании Деултума ветеранов, от имени которого, видимо, и произошло название поместья — *agri Blaes(iani)* [16, с. 62–63]. Приведенные Б. Геровым доводы представляются, по крайней мере, не менее резонными, чем выводы В. Велкова, что позволяет признать вероятность существования на территории, обозначенной надписями из Маленово и Тастепе, императорского имения вполне допустимой. А из этого, в свою очередь, следует, что поместная форма землевладения во Фракии могла определяться и очень близким в смысловом отношении слову *ἀγρός* латинским термином *ager*.

Естественно, высказанные соображения относительно возможной трактовки слова *ἀγρός* на межевых камнях Бендипары, это не более чем предположение, нуждающееся, как и любое другое, в дополнительном подтверждении свидетельствами источников. Однако, вместе с тем, оно не противоречит известным ныне эпиграфическим данным, и, главное, допущенный нами вариант перевода полностью соответствует не только той ситуации, в которой были установлены эти пограничные знаки, но и характеру использования слова *ἔροι* на землях Филиппополя. В тех случаях, когда оно употребляется в сочетании с указанием владельцев территории, непременно уточняется, *что* они собой представляют: *ἔροι φυλῆς Ἡρακλείδος* (IGBR, III/1, № 1036); *ἔροι χορτοκόπων φυλῆς Ῥοδοπηίδος* (IGBR, III/1, № 1401); *κώμης τῆς Κοκελώνης* τοὺς ἔρους τεθεϊκάμεν (IGBR, III/1, № 1514).

Наконец, относительно открытых на «земле Бендипары» артефактов римского времени необходимо заметить следующее. Они действительно обнаружены, но до сих пор должным образом *не исследованы* [37, с. 186]. Поэтому оснований использовать эти материалы для подтверждения какого бы то ни было мнения по поводу того, чем являлась Бендипара, в настоящее время, по сути, нет, так как результаты систематических раскопок на территории, обозначенной межевыми камнями, могут оказаться самыми разными. Если, например, выяснится, что степень сохранности обнаруженных там археологических объектов позволит интерпретировать их как остатки *сел*, это станет весомым аргументом в пользу не только выдвинутой В. Динчевым гипотезы, но и трактовки фракийских комархий как территориальных образований. Но может случиться и так, что эти памятники окажутся руинами преимущественно сельских *усадеб* — возможно, контролировавших отдельные части большого поместья, и тогда возрастет вероятность того, что Бендипара являлась *имением*, причем, учитывая его размеры, вероятнее всего, императорским¹. Соответственно, можно будет достаточно уверенно говорить и о том, что в личной собственности императора находилось гораздо больше земель в северной части территории Филиппополя, чем принято считать сегодня.

Подводя итог сказанному о Бендипаре и ее границах, еще раз подчеркнем, что гипотеза, высказанная В. Динчевым, представляется, несомненно, правомерной. Однако *доказательным* свидетельством существования *комархий* Бендипары может стать только подтверждение этого факта письменными источниками.

Известны и другие межевые камни, стоявшие на деревенских границах, но их тексты фрагментарны и, вследствие этого, установить полные названия сел, о которых идет речь, не представляется возможным. Кроме уже упоминавшейся надписи из совр. с. Оризово (община Братя Даскалови), обозначавшей между *κώμης τῆς Κοκελώνης* (IGBR, III/1, № 1514), к их числу можно отнести пограничный знак, обнаруженный на месте совр. с. Ваду в уезде Констанца. Во II в. н. э. он разделял сельские земли на территории древней Истрии, определяя, как следует их сохранившихся на двух сторонах камня текстов, *[fines] t[er]rae vic[i] Parsal...* и *[fi]nes ter[ra]e vic[i] C...* (ISM, I, № 350). Случается и так, что надпись просто фиксирует

¹ На землях такого домена вполне могли размещаться и села, включая Бендипару, которую предварительно идентифицируют с археологическим объектом в местности Балабангьол у с. Строево [см. 19, с. 20].

существование границ у села, название которого остается полностью неизвестным: *fines terrae vicī* (CIL, III, № 12508).

В завершение, обратим внимание на то, что межевых камней, обозначавших рубежи земельных владений сел Нижней Мезии и Фракии, опубликовано очень немного, причем практически все они происходят из Малой Скифии или с территории Филиппополя. Однако говорить на этом основании, что в других областях фракийских земель в первых веках нашей эры практики установления официальных границ деревенских поселений не существовало, надо думать, не приходится. Ведь относительно немного опубликовано и надписей на камнях, обозначавших в восточнобалканских провинциях границы земельных владений *городов*, в то время как, можно не сомневаться, таких знаков было огромное множество. Например, достоверно известно, что на рубежах территории Каллатиса стояли многие десятки, если не сотни, пограничных камней [38, S. 108–115; cf. 39, S. 326], а, между тем, находки их единичны [15, p. 63; 38, S. 108].

Аналогичная ситуация характерна и для ряда других городов фракийских земель, а во многих случаях знаки, фиксировавшие границы городских территорий, не обнаружены вообще. Вряд ли будет ошибкой предположить, что и основная масса сельских межевых камней первых веков нашей эры пока просто остается недоступной для исследователей. Тем не менее, и на основании приведенных свидетельств говорить о наличии, по крайней мере, у значительной части сел Фракии и Нижней Мезии в официальном порядке установленных границ, на наш взгляд, можно с большой долей уверенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. 2nd ed. — Oxf., 1957. — Vol. 1.
2. *Штаерман Е. М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. — М., 1957.
3. *Штаерман Е. М.* Мораль и религия угнетенных классов Римской империи (Италия и Западные провинции). — М., 1961.
4. *Fol A.* Les thraces dans l'Empire Romain d'Occident (Ie–IIIe siècle) // ГСУ. Философско-исторически факултет. — 1964. — Т. 58. — Кн. 3.
5. *Фол А.* Демографска и социална характеристика на днешните български земи от I до III век въз основа на надписите *extra fines provinciarum* // ИБИД. — 1967. — Т. 25.
6. *Златковская Т. Д.* Возникновение государства у фракийцев. VII–V вв. до н. э. — М., 1971.
7. *Велков В.* Поземлени отношения в Мизия и Тракия // История на България. — София, 1979. — Т. 1.
8. *Порожанов К.* История на траките в историята на стария свят. Принципи постановки и проблеми // Минало. — 1996. — Кн. 4.
9. *Ботева Д.* Долна Мизия и Тракия в римската имперска система (193–217/218 г. сл. Хр.). — София, 1997.
10. *Russu I.* Un litigiu de hotărnicie din Scythia Minor (CIL III 14447. V. Pârvan, Histria, IV, 633–637 (в оригинальном названии статьи — 537, что является опечаткой — А. М.) // SCIV. — 1955. — Nr. 1–2.
11. *Florescu Gr.* O piatră de hotar de la Capidava // SCIV. — 1957. — Nr. 1–4.
12. *Велков В.* Добруджа в периода на римското владичество // История на Добруджа. — София, 1984. — Т. 1.
13. *Ростовцев М. И.* Общество и хозяйство в Римской империи. — М., 2000. — Т. 1.
14. *Avram A.* Observații cu privire la autonomiile rurale din Dobrogea romană (secolele I–III e. n.) // SCIVA. — 1984. — Nr. 2.
15. *Bărbulescu M.* Viața rurală în Dobrogea romană (sec. I–III p. Chr.) — Constanța, 2001.

16. Геров Б. Земевладението в римска Тракия и Мизия (I—III в.) // ГСУ. Факултет по класически и нови филологии. — 1977. — Т. 72. — Кн. 2.
17. Ботушарова Л. Граничните знаци на тракийското село Бендипара // Археология. — 1979. — Кн. 1.
18. Velkov V. Le village dans la province romaine de Thrace. La documentation épigraphique // Epigrafia e antichità. — 1993. — Vol. 12.
19. Динчев В. Бендипара — първата точно локализирана комархия в римска Тракия // Минало. — 1996. — Кн. 1.
20. Мартемьянов А. П. Общинные отношения в селах Фракии и Нижней Мезии в первых веках нашей эры // ВДИ. — 2010. — № 2.
21. Lazarenko I. The Southern Boundary of terra Odessitanorum // Archaeologia Bulgarica. — 2002. — № 2.
22. 'Επιγραφές τῆς Θράκης τοῦ Αἰγίου / Λ. Λουκοπούλου, 'Α. Ζουρνатζή, Μ. Γ. Παρισάκη, Σ. Ψωμά. — 'Αθήναι, 2005.
23. Gostar N. Études épigraphiques IV // Dacia. — 1980. — Т. 24.
24. Sayar M. H. Perinthos-Herakleia (Marmara Ereğlisi) und Umgebung: Geschichte, Testimonien, griechische und lateinische Inschriften. — Wien, 1998.
25. Мартемьянов А. П. Императорские земли в Нижней Мезии и Фракии: локализация, управляющий и рабочий персонал // Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В. И. Кадеева (Сб. науч. трудов). — Х., 1997.
26. Велков В. Агиографски данни за историята на Тракия от IV в. // ИИИ. — 1964. — Кн. 14–15.
27. Lewis Ch. T., Short Ch. A Latin Dictionary. — Oxf., 1958.
28. Bréal M. Dictionnaire étimologique Latin. — P., 1885.
29. Walde A., Hoffmann J. B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg, 1938. — Bd. 1.
30. Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étimologique Latine. — P., 1951.
31. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. — М., 1986.
32. Древнегреческо-русский словарь // Сост. И. Х. Дворецкий; под ред. С. И. Соболевского. — М., 1958. — Т. 1.
33. Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg, 1960. — Bd. 1.
34. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue Grecque. Histoire des mots. — P., 1968. — Т. 1.
35. Liddell H. G., Scott R. Greek-English Lexicon / Comp. by H. G. Liddell and R. Scott. — Oxf., 1996.
36. Velkov V. Zur Geschichte der Provinz Thracien im II Jh. U.Z. // AAHung. — 1965. — Т. 13.
37. Динчев В. Селата в днешната българска територия през римската епоха (I — края на III век) // ИНИМ. — 2000. — Т. 11.
38. Avram A. Untersuchungen zur Geschichte des Territoriums von Kallatis in griechischer Zeit // Dacia (N. S.). — 1991. — Т. 35.
39. Doruțiu-Boilă E. Zur Abgrenzung des Territorium von Kallatis // Dacia. (N. S.). — 1971. — Т. 15.

Резюме

Мартем'янов О. П. *Про сільські межові знаки перших століть нашої ери з території Нижньої Мезії та Фракії*

У перших століттях нашої ери села фракійських земель мали чітко визначені, встановлені належним чином границі, про що свідчать знахідки межових знаків, які фіксували ці рубежі. На особливу увагу заслуговують три ідентичні написи, які свідчать про те, що за розпорядженням імператорського легата Фракії Кв. Атрія Клонія, вірогідно, в 211 г. н. е., були встановлені ὄροι ἀγροῦ Βενδιπάρων (IGBR, III/1, № 1455, 1472; V, № 5534). Є підстави вважати, що всі вони знайдені *in situ*, і це, здавалося б, надає унікальну можливість уявити розміри земельних володінь фракійського села.

Проте на межових знаках не вказано, що Бендіпара — це κώμη, а площа, яку вони позначали, для одного села надто велика — з південного заходу на північний схід вона простягається більш ніж на 10 км. З урахуванням того, що на цій території виявлено археологічні матеріали, в яких бачать сліди поселень римського часу, зафіксовано курганні могильники, В. Дінчев доходить висновку, що Бендіпара була не селом, а комархією — адміністративним об'єднанням кількох сусідніх сіл. У принципі, така гіпотеза видається цілком правомірною, але, на думку автора статті, не виключено, що Бендіпара могла бути маєтком, причому, враховуючи його розміри, найімовірніше — імператорським. У будь-якому випадку, доказовим свідченням існування комархії Бендіпари може стати лише підтвердження цього факту письмовими джерелами.

Ключові слова: Нижня Мезія, Фракія, Бендіпара, Бутерідава, сільські межові знаки.

Резюме

Мартемьянов А. П. *О сельских межевых знаках первых веков нашей эры с территории Нижней Мезии и Фракии*

В первых веках нашей эры села фракийских земель имели четко обозначенные, установленные надлежащим образом границы, о чем свидетельствуют находки фиксировавших эти рубежи межевых знаков. Особого внимания заслуживают три идентичные надписи с территории Филиппополя, свидетельствующие о том, что по распоряжению императорского легата Фракии Кв. Атрия Клония, вероятно, в 211 г. н. э., были установлены ὄροι ἀγροῦ Βενδιπάρων (IGBR, III/1, № 1455, 1472; V, № 5534). Есть основания считать, что все они обнаружены *in situ*, и это, казалось бы, дает уникальную возможность представить размеры земельных владений фракийского села. Однако на межевых знаках не указано, что Бендипара — это κώμη, а обозначенная ими площадь для одного села очень велика — с юго-запада на северо-восток она простирается более чем на 10 км. С учетом того, что на этой территории обнаружены археологические материалы, в которых усматривают следы поселений римского времени, зафиксированы курганные могильники, В. Динчев приходит к выводу, что Бендипара являлась не селом, а комархией — административным объединением нескольких соседних сел. В принципе, такое заключение представляется вполне оправданным, однако, по мнению автора статьи, не исключено, что Бендипара могла быть имением, причем, учитывая его размеры, вероятнее всего — императорским. В любом случае, доказательным свидетельством существования комархии Бендипары может стать только подтверждение этого факта письменными источниками.

Ключевые слова: Нижняя Мезия, Фракия, Бендипара, Бутеридава, сельские межевые знаки.

Summary

A. Martemyanov. *Village Landmarks of the First Centuries AD from the Territory of Lower Moesia and Thrace*

The fact that the villages of the Thracian lands in the first centuries AD had precisely defined, properly formed frontiers is supported by the found landmarks which fixed these boundaries. Of special importance are three identical inscriptions from the territory of Philippopolis, indicating that by the order of the legate of Thrace Q. Atrius Clonius, apparently in the 211 AD, ὄροι ἀγροῦ Βενδιπάρων were installed (IGBR, III/1, № 1455,

1472; V, № 5534). There are reasons to believe that they were found in situ and it seems to be a unique opportunity to imagine the size of a Thracian village's land holdings. However, the landmarks do not indicate that Bendipara is κώμη, and yet the area marked for one village is too large — it stretches for over 10 kilometers from the south-west to north-east. Given the fact that some archaeological materials with the traces of settlements from the Roman period have been discovered in the area, burial mounds recorded, V. Dinchev comes to the conclusion that Bendipara was not the village but κωμαρχία — an administrative union of several neighboring villages. Such a conclusion is, in principle, justified but before the results of systematic excavations have been obtained on the territory designated by boundary stones, this hypothesis should be accepted with caution: there is a possibility that Bendipara was an estate, and, given its size, most likely, the emperor's. As conclusive evidence of the existence of Bendipara κωμαρχία can only be a confirmation of this fact by written sources.

Key words: Lower Moesia, Thrace, Bendipara, Buteridava, village landmarks.

